

12158

АТОПИСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

ДЕКАБРЬ

1915 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. И. БУНИНЪ. Стихотворенія: Слово. Поэту. Шестикрылый	1
II. М. ГОРЬКІЙ. Воспоминанія. Очерки.	4
III. И. ВОЛЬНОВЪ. Круги жизни. Повѣсть.	26
IV. А. ЗАМИРАЛОВЪ, Кира. Разсказъ.	54
V. М. ГЕРАСИМОВЪ. Стихотворенія: Ночной бой. Аргона. Шампань. Весна.	65
VI. МАРТИНЕСЪ СЪЕРРА. Приключеніе. Пер. К. Жихаревой.	70
VII. ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. Въ одинъ прекрасный вечеръ. Воръ. Обыкновенная исторія. Ежегодникъ. Переводъ О. Сидерской.	95
VIII. ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ. Послѣсловіе къ „Романцero“. Пер. Натана Венгрова.	110
IX. ЮГАННЕСЪ ЛИННАНКOSKI. Человѣкъ древняго Рима. Пер. Г. Тюнни.	116
X. ЭЙНО ЛЕЙНО. Илерми. Баллада. Пер. Г. Тюнни.	120
XI. М. ГОРЬКІЙ. Двѣ души.	123
XII. В. БАЗАРОВЪ. Единство культуры и націонализмъ.	135
XIII. А. ПИНКЕВИЧЪ. Писаревъ и естествознаніе. (Къ 75-лѣтію со дня рожденія).	151
XIV. Г. ЗЕЗЕМАНЪ. Война и наша валюта.	166
XV. В. ПЛУТАЛОВЪ. Дорожный разговоръ.	183
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. ВОЛГИНЪ. Балканскія дѣла. — А. ЛОЗОВСКІЙ. Литература о будущемъ мирѣ. (Письмо изъ Франціи). — М. ПАВЛОВИЧЪ. Румынія въ международномъ конфликтѣ. — В. КЕРЖЕНЦЕВЪ. Англійскія настроенія	197
XVII. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. А. ХИРЬЯКОВЪ. Въ лабораторіи Л. Н. Толстого. — АРС. АВРАМОВЪ. Скрыбинъ. — А. ЛЕВИНСОНЪ. Судьба картины	249

XVIII.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. НЕСТОРЪ. Прогрессивный блокъ и бюрократія. — Б. БОГДАНОВЪ. Кооперация и продовольственный кризисъ. — М. ПЕТРОВЪ. Къ современному муниципальному кризису. — А. НИКИТСКІЙ. Бюджетъ 1916 года и наши финансы. — П. ШАСКОЛЬСКІЙ. Евреи въ высшей школѣ.	274
XIX.	Нужны ли убѣжденія (письмо въ редакцію).	323
XX.	А. М. ХИРЬЯКОВЪ. Къ исторіи великаго сердца.	329
XXI.	Л. Н. ТОЛСТОЙ. Дневникъ. (Въ извлеченіяхъ).	332
XXII.	БИБЛОГРАФІЯ. А. ЛЕВИНСОНЪ. Утраты и труды французской литературы. — А. ПИНКЕВИЧЪ. Дѣтская литература въ 1915 году. — Н. ВЕНГРОВЪ. В. В. Маяковский. „Облако въ штанахъ“. — Л. ЩЕГЛОВА. Ив. Шмелевъ. „Карусель“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. Л. Добронравовъ. „Горькій цвѣтъ“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. Г. Гребенщиковъ. „Въ просторахъ Сибири“. — ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. Андрей Соболевъ. „Пыль“. — С. АС-ОВЪ. Нагородская. „Злые духи“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. „Жатва“. Книга 6—7. — С. АС-ОВЪ. „Петроградскіе вечера“. Книга 4-ая. — С. АСТРОВЪ. В. Евгеньевъ. „Н. А. Некрасовъ“. — П. БЕРЕЗИНЪ. Роменъ-Роланъ. „Жизнь Толстого“. — В. Б. М. Н. Шоковскій. „Очеркъ исторіи русской культуры“. — В. БАЗАРОВЪ. А. Нѣмовъ. „Идея славянскаго возрожденія“. — А. РЯБИНИНЪ. Ш. Депере. „Превращеніе животнаго міра“. — VARTHO. Артуръ Шустеръ. „Прогрессъ физики“. — Н. С. Проф. Н. Н. Шапошниковъ. „Протекціонизмъ и свобода торговли“. — Н. С. Об-во имени А. И. Чупрова для разр. общ. наукъ. „Труды комиссіи о дороговизнѣ“.	376
XXIII.	КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ	406
XXIV.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	410

Статьи: М. ЛУРЬЕ. Настроенія на Западъ. — Н. СУХАНОВА. Война и наши настроенія. — Г. ХАЙДМАНА. Кромвелизмъ безъ Кромвеля. — Н. СЕРГІЕВА. Дѣла церковныя — не могли быть помѣщены въ номеръ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

НУЖНЫ ЛИ УБЪЖДЕНІЯ?

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ)*.

Мудрый и правдивый русскій человекъ, Василій Васильевичъ Розановъ, пишетъ въ „Опавшихъ Листьяхъ“:

„На „образъ мыслей“ я нисколько не хотѣлъ бы вліять; „на убѣжденія“ даже „и не подумаю“. Тутъ мое глубокое „все равно“. Я самъ „убѣжденія“ мѣнялъ, какъ перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крѣпки ли), чѣмъ убѣжденіями (своими и чужими)“.

За эти простыя русскія мысли, за эту безхитростную исповѣдь русской души почтенный Василій Васильевичъ и подвергся гоненію въ нашей литературѣ.

Настаиваю, — именно за это, а вовсе не за то, что стали ругать революціонеровъ. Ибо кто же ихъ не ругалъ, кто же ихъ не лягалъ за послѣдніе годы? Развѣ только лѣнивый. И прилежнѣе другихъ была „Русская Мысль“, — та самая, которая съ трескомъ захлопнула дверь передъ носомъ Василя Васильевича.

И по дѣломъ: онъ осмѣлился высказать то, что они чувствовали, назвавъ по имени то, что они скрывали. Бойтся русскій человекъ обнаженія души своей.

Изъ Достоевскаго мы сдѣлали философа, сочинителя и „обоснователя“ нашихъ національныхъ убѣжденій, какого-то „нѣмца“ русской идеи, почти Смердякова.

* *Прим. Редакціи:* Письмо это получено редакціей со слѣдующей припиской: Хотя я совсѣмъ не литераторъ и, уже по своему возрасту, отставной отъ жизни человекъ, тѣмъ не менѣе не могъ не взяться на склонѣ дней за перо, не могъ не излить своего горестнаго раздумья въ этомъ „письмѣ въ редакцію“. Быть можетъ, думалось мнѣ, голосъ человекъ, одной ногой стоящаго въ могилѣ, будетъ слышанъ. Быть можетъ, мои безхитростныя увѣщанія скорѣе тронутъ сердца заблудшихъ, чѣмъ замысловатая полемика заправскихъ газетчиковъ и журналистовъ. Но куда я ни обращался, ни одна редакція не соглашалась напечатать моего письма. Посмѣиваются и покачиваютъ головами. Прочитавъ въ газетахъ о предстоящемъ выходѣ новаго журнала „Лѣтопись“, я рѣшилъ прибѣгнуть къ вамъ. Авось, вы, какъ люди еще не столь заостренныя въ литературѣ, не откажете старику, не лишние его послѣдняго утѣшенія. Вѣдь, не откажете?*

Редакція, съ своей стороны, считаетъ долгомъ присовокупить, что состраданіе къ почтенному автору явилось однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ помѣщенія „письма“, содержаніе котораго далеко не во всемъ совпадаетъ съ воззрѣніями редакціи.

Ибо что такое Смердяковъ, какъ не рыцарь разумныхъ убѣждений, поклонникъ ума и умственности? Правда, о Смердяковѣ мало сказать, что онъ почитаетъ умъ; слѣдуетъ еще прибавить: почитаетъ по-лакейски. Однако, и это не всегда такъ.

Какъ всѣ признають, высшую степень лакейства Смердяковъ проявилъ въ своемъ отношеніи къ отечеству. — „Умная нація, — разсуждаетъ, онъ — покорила бы очень даже глупую-сь“, — изъ-за чего же тутъ волноваться? — Разсужденіе отвратительное! разсужденіе гнусное! разсужденіе недопустимое! Въ чемъ же, однако, вина Смердякова: въ томъ ли, что онъ холопски исказилъ разумъ, или въ томъ, что примѣнилъ его въ неподлежащемъ мѣстѣ?

Разъ признана большая посылка „торжество разумнаго — всегда благо“, разъ дана малая посылка „нація А разумнѣе націи В“, то какъ отвергнутся отъ смердяковского вывода? Логически отвергнутся едва ли возможно. Итакъ, кто же лакей: Смердяковъ или логика?

Лакейство Смердякова не въ томъ только, что онъ принижаетъ разумъ и логику, а и въ томъ также, что всегда полагается на нихъ, всегда разсуждаетъ, — разсуждаетъ даже тамъ, гдѣ разсужденіе есть преступленіе, гдѣ надо отдаться голосу чувства, нутра, вѣры.

И какъ не вспомнить опять проникновенныхъ словъ Василя Васильевича изъ тѣхъ же „Опавшихъ Листьевъ“ (стр. 83):

— „Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, унижена, наконецъ, глупа, наконецъ, даже порочна. Именно, именно, когда наша „мать“ пьяна, и вся запуталась въ грѣхѣ, — мы должны не отходить отъ нея“.

Вотъ это — подлинное, наше, нутряное! Вотъ это — „единое на потребу“! Любовь нелицемѣрная, любовь преданнаго сына, любовь неразсуждающаго вѣрнаго до гроба раба!

Развѣ Фирсъ — старый, милый Фирсъ „Вишневаго Сада“ — развѣ онъ любилъ своего барина по разсудку? За какія нибудь достоинства? Служилъ ему ради выгоды? Нѣтъ. Чѣмъ слабѣе и беспомощнѣе баринъ, чѣмъ ближе онъ къ разоренію, тѣмъ трогательнѣе преданность Фирса, тѣмъ нерушимѣе готовность крѣпостнаго раба душу свою положить за господина.

Не такъ служить лукавый вольный наемникъ. Онъ размышляетъ и высчитываетъ: гдѣ больше жалованья? У кого лучше характеръ? Нанявшись къ одному господину, онъ уже засматривается на другого, и втайнѣ ненавидитъ всѣхъ. Ибо его задушевная мечта — самому стать барининомъ.

Итакъ, только крѣпостная, не разсуждающая, Фирсова любовь къ отечеству надежна, только она никогда не измѣнитъ.

Кто любить отечество „по убѣжденію“, кто оправдываетъ и доказываетъ свой патріотизмъ, поддерживаетъ его въ другихъ, взывая къ ихъ уму и расчету, — тотъ уже подпалъ подъ власть

Смердякова, и, если сейчасъ еще не измѣнникъ, то въ любой моментъ можетъ стать измѣнникомъ, и въ каждый моментъ — великій соблазнъ для соотечественниковъ.

Значить: или Фирсъ, или Смердяковъ? Tertium же, какъ говорится, поп datur! Увы, datur: бываетъ и третье, — но избави насъ Богъ отъ него, особенно въ военное время.

Когда знаменитому астроному Тихо Браге пригрозили высылкой изъ отечества, онъ надменно заявилъ: „мое отечество вездѣ, гдѣ видны звѣзды“. Тутъ уже не расчетъ, не голосъ разсудка, а какое-то новое, невѣдомое намъ и ужасное нутро, — не Смердяковская умственность, а сатанинская гордыня. Та же гордыня, — но уже не спокойная, а буйственная, — составляла нутро нашего Бакунина; онъ могъ бы сказать про себя: мое отечество вездѣ, гдѣ пахнетъ бунтомъ.

Аггелы гордого Сатаны не опасны, пока они одиноко блуждаютъ среди народа, чтущаго отечественныя святыни. — Но вотъ, нѣсколькимъ изъ нихъ удалось было привить миллионамъ рабочаго люда свою гордыню, удалось внушить вѣру, что рабочіе не имѣютъ отечества: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ — неся погребальный звонъ по Европѣ.

Къ счастью, великая война разрушила этотъ кошмаръ. „Пролетаріи всѣхъ странъ“ явили себя добрыми патриотами, безъ лести преданными каждый своей родинѣ, любящими свои отечества самоотверженной, безотчетной, истинно-фирсовой любовью. — И, что всего отраднѣе, Фирсъ проснулся не только въ душѣ рабочихъ, но и въ душѣ ихъ руководителей. У революціонеровъ, которые столько лѣтъ клялись именемъ Маркса, мыслили діалектически и требовали всемірнаго социализма, оказались вдругъ простыя русскія мысли, вѣрныя русскія сердца, добрыя русскія души.

Вотъ — родоначальникъ русскаго марксизма, Г. В. Плехановъ! Онъ призываетъ нашихъ рабочихъ поддерживать правительство въ Думѣ, терпѣливо сносить обиды и притѣсненія фабрикантовъ, забыть о себѣ и помышлять только о побѣдѣ надъ нѣмцами. Вотъ неистовый социаль-демократъ и депутатъ второй Думы, Алексинскій! Такъ горяча, такъ беззавѣтна его преданность Россіи, что онъ не въ силахъ даже представить себѣ, чтобы честный человѣкъ могъ питать другія чувства... даже среди австрійскихъ подданныхъ, даже среди членовъ нѣмецкой социаль-демократической партіи не допускаетъ онъ иныхъ недоброжелателей нашего отечества, кромѣ лицъ, состоящихъ на жалованіи австро-германскаго генеральнаго штаба. Вотъ — ветеранъ русской революціи, Бурцевъ, не усомнившійся броситься въ объятія своей матери-родины, едва она очутилась въ опасности! И хотя справедливая мать, прежде всякихъ объятий, строго проучила этого сѣдовласаго шалуна за прежніе грѣшки, — чувства его не остыли. Онъ и понынѣ горитъ тѣмъ же восторгомъ,

на крыльяхъ котораго годъ тому назадъ неся по Швеціи къ русской границѣ.

Милые, вѣрные, родные Фирсы! — Какъ было бы хорошо, какъ было бы отрадно и легко жить патриоту, если бы языкъ ихъ во всемъ соотвѣтствовалъ чувствамъ. Но, увы, этого нѣтъ. Не оставили они своего революціоннаго языкоблудія; даже святуя любовь къ родинѣ стараются „обосновать“ лжеученіями международного социализма.

Не малую смуту поселяетъ это въ умахъ. И болѣе другихъ повиненъ въ ней милѣйшій изъ Фирсовъ, Георгій Валентиновичъ Плехановъ. — На первой же страницѣ своей брошюры „О войнѣ“ напоминаетъ онъ: „Я социаль-демократъ школы Маркса-Энгельса“. Марксъ и Энгельсъ разрѣшили служить отечеству, если оно ведетъ войну оборонительную. Поэтому и Плехановъ встаетъ на защиту нашей родины, поскольку она обороняется. На страницѣ 56 читаемъ: „я сочувствую своей родинѣ, когда она подвергается нападению, я не сочувствую ей, когда она нападаетъ“. Ей Богу! Такъ и напечатано, да еще курсивомъ: „я не сочувствую ей, когда она нападаетъ“.

Какъ же это такъ? Изъ помѣтки подъ эпитафюмъ видно, что авторъ писалъ вторую часть своей брошюры ранней весной. Въ это время часть нашей арміи отражала натискъ нѣмцевъ въ Польшѣ, часть, присоединивъ къ нашимъ владѣніямъ Галицію, напала на австрійцевъ въ Карпатахъ. Что же, сочувствовалъ намъ тогда Георгій Валентиновичъ, или не сочувствовалъ? — По духу брошюры ясно, что сочувствовалъ вполне, желалъ побѣды русскому оружію, воодушевлялъ рабочихъ къ борьбѣ за эту побѣду. По буквѣ брошюры выходитъ, что и сочувствовалъ, и не сочувствовалъ, — сочувствовалъ „постольку“, не сочувствовалъ „поскольку“.

Повторяю еще разъ: какъ же это такъ? и возможно ли такое чувство? Конечно, я не философъ: привыкъ думать по просту, порусски, а не по правиламъ нѣмецкой діалектики, — и, быть можетъ, поэтому не способенъ понять всей тонкости чувствъ и мыслей Георгія Валентиновича. Пусть такъ.

Но, голубчикъ, Георгій Валентиновичъ! Для кого же написана ваша брошюра, расходящаяся уже вторымъ изданіемъ? Неужели только для людей, посвятившихъ себя діалектикѣ? Вѣдь не „мыслить“ только о войнѣ, не „сочувствовать“ ей издали приходится тѣмъ сотнямъ рабочихъ, которые васъ читаютъ! Имъ надо дѣйствовать: своими руками, своей грудью отстаивать отечество. Какъ же дѣйствовать-то діалектически? — вотъ этого вы и не объяснили.

Представьте себѣ, что вашъ ученикъ-рабочій призванъ въ армію и сражается гдѣ-нибудь на юго-западномъ фронтѣ. Онъ знаетъ, что „поскольку мы обороняемся“, наше дѣло правое, — и дерется геройски, показываетъ своимъ товарищамъ образецъ воинской доб-

лести. Но вогь, военное счастье опять улыбулось нашей арміи, она тѣснить врага, она снова занимаетъ Галицію. Всѣ радуются, всѣ торжествуютъ побѣду. Но чѣмъ сильнѣе ликованіе простыхъ русскихъ воиновъ, тѣмъ болѣе смущается душа ихъ товарища-плехановца...

Правда, Галиція уже тысячу лѣтъ тому назадъ принадлежала намъ. Слѣдовательно, присоединяя ее къ своимъ владѣніямъ, мы еще не ведемъ наступательной войны, а только охраняемъ, „обороняемъ“ отъ чужеземцевъ исконное достоиніе Владиміра Святого. Правда, „Новое Время“ разъяснило, что и за Карпатами лежатъ не чужія намъ страны, а наша же „Угорская Русь“. Такъ что, для человѣка, свѣдущаго въ наукахъ, не составляетъ большого труда подвести подъ Маркса-Энгельса и наши Червонныя, и наши Угорскія, и многія другія земли.

Но, вѣдь, это для васъ все столь легко и просто, почтенный Георгій Валентиновичъ, — для кабинетскаго ученаго, у котораго всегда подъ рукой и „Новое Время“, и разныя другія научныя пособия. — Откуда же узнать все это простому рабочему? Да и его ли дѣло заниматься географіей и народовѣдѣніемъ, когда нужно итти въ атаку. Какъ партійный вождь, вы сами человѣкъ не совсѣмъ штатскій и хорошо понимаете, что такое дисциплина, особливо воинская. Какъ же не подумали вы о томъ, что ваши неосторожныя слова о нападеніи и оборонѣ могутъ заронить въ душу воина ужасное сомнѣніе въ правотѣ его святого дѣла, могутъ героя превратить въ раба лѣниваго и лукаваго и даже, чего обороны Богъ, въ измѣнника и предателя.

Но оставимъ окопы. До нихъ далеко, до нихъ, надо надѣяться не дойдетъ ваша брошюра. Загляните къ намъ въ глубокій тылъ, гдѣ ваши послѣдователи заняты мирной, но не менѣе важной работой. Вотъ они обтачиваютъ шрапнельные стаканы. Какъ же тутъ имъ примѣнить ваше ученіе? Взять что ли расписку съ интендантскаго вѣдомства, что снаряды ихъ изготовленія будутъ посылаться только на польскій или латышскій фронтъ, а отнюдь не на галиційскій?

Вѣдь это же смѣху достойно. Вотъ что значить на мѣсто Минина и Пожарскаго поставить Маркса и Энгельса!

Не ужасный и грозный Марксъ, а лукавый лакей Смердяковъ нашепталь Георгію Валентиновичу эту хромую, эту, словно на костыляхъ ковыляющую, защиту отечества. — И, вѣдь, ясно, что не свои слова онъ здѣсь говоритъ. Подлинный, не мудрствующій лукаво, крѣпкій патріотизмъ чувствуется всюду между строкъ, прорывается мѣстами и на самыя строки:

„За кого же принимаютъ они меня! Я еще не опредѣлился на службу къ акуламъ германскаго имперіализма; я еще не вступилъ въ „Союзъ освобожденія Украины“. (Стр. 71.)

Вотъ, онъ вопль русской души! Вотъ онъ, неподдѣльный крикъ патриотическаго сердца! — Но нѣтъ сердцу простора, — такъ опутано оно Смердяковскими оговорочками, такъ оплетено Смердяковскими оглядочками... якобы, на Маркса.

И повторяется снова грустная библейская исторія. Какъ нѣкогда подслѣповатый Исаакъ, недоумѣваютъ патриоты земли русской: кто же это передъ нами? Душа и сердце Фирсовы, а голосъ Смердякова. Любимый ли это нашъ Исавъ, или лукавый Иаковъ, искусно прикрывшійся овечьей шкурой?

Скорбное и тяжкое раздумье!

Одинъ изъ недоумѣвающихъ.